

КОМАНДИРОВКА

14 мая 1885 года коллежский асессор Лыков пришел на службу в Департамент полиции, но до своего места добраться не успел. Курьер из канцелярии передал ему приказание вице-директора Благово — немедленно явиться к нему. Пожав молодецкими плечами — и без того ежедневно в десять часов утра он пивал у начальника и учителя чай, — Алексей отправился на второй этаж. Что еще за срочность такая?

Вице-директор встретил его притворно сердито.

— Ишь, выучился службой манкировать! Десять минут тебя уже жду.

— И напрасно гневаться изволите, — ответил Лыков, фамильярно усаживаясь на стул. — Опоздал я всего на четыре минуты — и по уважительной причине. Разве от них оторвешься? Вцепились все трое и не пускают. Насилу выбрался.

Полтора года назад Алексей женился наконец на своей давней любви, Вареньке Нефедьевой. Спустя положенный срок у счастливых молодоженов родились близнецы, два мальчика. Именным указом императора им была присвоена фамилия Лыковы-Нефедьевы. Заповедное имение, бывшее до той поры

выморочным¹, было передано им в собственность, а Лыков назначен опекуном. Сенат три месяца размышлял над столь необыкновенным случаем: как делить майоратное имение, ежели наследники его — близнецы. В порядке исключения установили равные права для обоих — авось не подерутся. Теперь по утрам плечистого папашу провожали на службу красавица жена и пара крепких карапузов. От таких и правда скоро не оторвешься...

— Чай уже пил?

— На ваш рассчитывал. А вы вон ногами топаете, придираетесь к маленькому человеку...

— В гостях изопьешь. Ежели угостят. Едем в Военное министерство, прямо сейчас.

— А барона Витьку там увидим?

— Увидим. И вообще: чего это ты расселся перед камергером? Ох, распустил я кадр...

Через полчаса на Адмиралтейской набережной, 12 состоялось секретное совещание. Открыл его генерал-адъютант Обручев, начальник Главного штаба и председатель Военно-Ученого комитета². Присутствовали: директор канцелярии ВУК генерал-майор Енгальчев, подполковник Таубе, действительный статский советник Благово и коллежский асессор Лыков.

— Итак, господа, — начал сильным голосом Обручев, — мы собрали сегодня представителей двух

---

¹ Заповедное имение — русский майорат. Переходит старшему в роду мужчине; его нельзя делить, продать, заложить в банк или проиграть в карты. Выморочное имение — не имеющее наследников на момент смерти владельца — поступало, постоянно или временно, в собственность казны.

² Военно-Ученый комитет Военного министерства — русская военная разведка.

министерств: военного и внутренних дел. Это потому, что задача у нас такая, она находится на стыке полномочий. Надо прикрыть шайку абрека Малдая. Местная власть не может справиться с ней вот уже три года; им требуется помощь. Сия операция — для Департамента полиции (короткий кивок в сторону гостей). Однако в окружении Малдая состоит эмиссар турецкой разведки. Источники называют его «старик в желтой чалме»; имя нам неизвестно. Старик управляет в шайке и является ее негласным вожакom; абрек — подставное лицо. И это знаменитый Малдай из Бахикли! Что же за старик такой? Абречество для него, видимо, лишь прикрытие, а занимается он шпионством. А это уже относится к ведению нашего министерства, точнее, Военно-Ученого комитета.

Обручев перевел дух, оглядел своих собеседников, долее всех задержал взгляд на Лыкове.

— Алексей Николаевич, вы ведь уже бывали на Кавказе ранее?

— Так точно, ваше высокопревосходительство. Сначала воевал с турками, а после излечения от ранения ловил абреков в Андии¹ и Ичкерии. Кроме того, дважды с Летучим отрядом Департамента полиции вычищал Пятигорск.

— Ну вот, значит, места вам знакомы. А напомниме, когда вы с бароном фон Таубе последний раз взаимодействовали?

— Хм... В феврале 1881 года в Нижнем Новгороде. Предотвратили покушение на покойного государя.

— Готовы отправиться с ним в Дагестан в составе нашего отряда?

---

¹ Андия — высокогорная область в Северном Дагестане.

— С бароном Таубе — хоть к черту в пасть, ваше высокопревосходительство.

Генерал-адъютант удовлетворенно кивнул.

— Тогда договорились. Как вы знаете, Дагестанская область выведена из гражданского управления и подчинена Военному министерству. Поэтому начальником отряда назначается подполковник, барон фон Таубе. Коллежский асессор Лыков утвержден его помощником. Секретный приказ о вашей командировке, Алексей Николаевич, уже согласован с министром внутренних дел и вчера подписан военным министром. Вот, ознакомьтесь.

Благово вместо Лыкова принял приказ из рук генерала и принялся внимательно его изучать.

— Какая вооруженная сила будет включена в отряд? — спросил Алексей.

— Взвод казаков с урядником плюсом два горца в качестве проводников, — ответил Енгалычев. — Представитель от начальника Дагестанской области. И офицер разведочного отделения штаба Кавказского военного округа. Он абадзех, сирота, усыновленный русским семейством. Зовут Даур-Гирей. Он по службе хорошо осведомлен о положении дел в Дагестане и станет вам незаменимым сотрудником.

— Абадзех? Годится, — откомментировал Лыков. — Самая достойная на Кавказе народность.

— Старик в желтой чалме — что о нем известно? — вступил в разговор Благово. Военные, точно по команде, все разом скривились.

— Толком ничего, — буркнул Таубе. — Одни лишь слухи.

— Давайте слухи.

— Судя по всему, старик долго жил в Турции и занимал там серьезные должности. Абреки называют его «сартип».

— Полковник, — пояснил Лыков Павлу Афанасьевичу.

— Появился дедушка в горах неведомо откуда примерно в то же время, что и Малдай.

— Мы навряде эту птицу уже ловили? — опять вмешался Лыков. — Я сам за ним гонялся, правда, поймали его другие.

— Так точно. Малдай из Бахикли — это такое село в Андии, — впервые выступил против нас еще в 1860 году, во время восстания в Северном Дагестане. Генерал Евдокимов бунт подавил, аул сжег, а нашего приятеля сослал в Вологодскую губернию. В 1877 году, при начале турецкой войны, Чечня и Дагестан опять взбунтовались. Горцы, подстрекаемые турецкими эмиссарами, желали ударить в спину русской армии, которая резалась под Карсом и Кобулетом. Малдай к тому времени уже отбыл ссылку, вернулся и снова возглавил одну из шаек. Нам было тогда не до повстанцев, и они успели поэтому достичь значительных успехов. Но, покончив с турками, армия обернулась к бунтовщикам и быстро всех передушила. Как раз тогда, Алексей, ты и гонялся за Малдаем Бахиклиским. А поймал его знаменитый теперь Комаров, тогда еще полковник. Злодей поехал на этот раз в Тобольскую губернию. При коронации 1883 года государь даровал амнистию всем ссыльным повстанцам, и вот результат: Малдай снова в горах... Теперь он абрек, верховодит шайкой из тридцати головорезов и состоит на довольствии у турецкой разведки.

Раздосадованный подполковник замолчал. Поскольку его слова прозвучали как косвенная критика действий государя, в разговоре возникла неловкая пауза. Через минуту Таубе продолжил:

— Но дело не в этом неумном чеченце, а в старике, что стоит за ним. Абрека, в конце концов, можно просто застрелить. А вот сартип в желтой чалме... Вы помните, кому полагалась такая при Шамиле?

— Ну ты спросил, — развел руками Лыков. — Шамиля взяли в плен, когда мне едва минуло два года.

— В Имамате¹ желтые чалмы полагались наибам, — неожиданно пояснил Благово.

— Наибам? Это, кажется, что-то вроде горских губернаторов?

— Да, начальники отдельных областей, подчинявшиеся непосредственно Шамилю. Скорее они похожи на наших генерал-губернаторов, чем на губернаторов, поскольку у себя в наибстве они ведали также и военной силой. В разные времена число их доходило до пятидесяти. Самые доверенные у имама были люди! Неужто наш дедушка из них? И по возрасту подходит.

— Я повторю, Павел Афанасьевич, — продолжил Таубе, — что точных сведений об этом человеке у нас нет. Мы можем только строить догадки. Самая неприятная из этих догадок вот какая: наш источник однажды слышал, как старик говорил по-русски. Очень чисто, без малейшего акцента.

За столом опять повисла пауза. Сыщики переглянулись, военные скрипнули зубами.

---

¹И м а м а т — теократическое государство, созданное на Северном Кавказе имамом Шамилем в 1843–1859 годах и вовавшее с Россией.

— Ну что ж, — сказал Благово. — Неприятно, но неудивительно. У Шамиля наших много было. Газеты не любили об том писать... И далеко не все из них приняли ислам, многие так и остались в Христовой вере.

— В какой еще вере, ежели они своих убивали! — рявкнул Енгальчев. — Ты, Паша, такими словами-то не бросайся. Христова вера... Изменники Бога не имеют!

— Но основная часть, конечно, были черту племянники, — согласился действительный статский советник. — Ни Аллаху, ни Христу не кланялись. Но факт тот, что в горах русских было много. Так?

— Так, — согласился Обручев. — Это было частью политики Шамиля. Он приказал дружески принимать всех дезертиров и беглых. Им давали хлеб, кров, семена, даже землю, что в горах самое ценное. Для этих целей Шамиль выкупал надель у сельских обществ. Русских женили на туземках. Если беглый принимал магометанство, это особенно приветствовалось; но никого не заставляли менять веру насильно. В захваченных крепостях Шамиля мы везде находили православные храмы, моленные дома старообрядцев. И еще костелы. Поляки перебегали к имаму особенно охотно, целыми взводами и ротами, вместе с офицерами. У Шамиля воевал польский легион численностью в четыре сотни человек! Но речь не о них. Старик в желтой чалме на ясновельможного пана не похож. И на горца тоже.

— И на горца не смахивает? — заинтересовался Благово. — Как же можно говорить об этом с уверенностью? Пожилые люди как облысеют — все на одну колодку!

— Отличить нетрудно, — усмехнулся Таубе. — Пятьдесят пять лет тому назад некий поручик Новицкий проделал, по поручению князя Паскевича, крайне опасную командировку: он пересек горы Западного Кавказа с севера на юг и вышел к Анапе. Для этого поручик обрил голову, отпустил бороду, весь перепачкался в грязи. Путешествовал во вражеских горах он под видом глухонемого нукера, поскольку языков не знал. Туземцы разоблачили его по мозолям на ногах.

— Как «по мозолям»? — удивился Благово.

— Горцы носят мягкую обувь и мозолей у них не бывает, — пояснил Лыков.

— Новицкий спасся чудом, — продолжил барон. — Имеется еще один очень верный признак, лучше любых мозолей, чтобы отличить мытых от невымытых. Скажи, Алексей, чем пахнут горцы?

— Пахнут? Верно... Павел Афанасьевич, подтверждаю: все природные кавказские туземцы имеют один общий запах. Ни с чем не спутаешь. Они насквозь пропахли черемшой или диким чесноком.

— Чесноком?

— Да. Туземцы истребляют его в огромных количествах ежедневно, особенно летом. Конечно, амбре у горца более сложное: тут и бараний жир, и конский пот, и порох; но наиболее всего — черемша. И европейца, пусть даже обряженного в горский костюм, легко отличить именно по запаху.

— Значит, старик в желтой чалме чесноком не пахнет, — констатировал Благово.

— А на поляка не похож потому, что принял ислам, — пояснил барон. — Сами знаете — паны этим не грешат. Значит, русский дезертир.

— Вопрос с русским на службе у Шамиля старый и болезненный, — продолжил разговор Енгальчев. — С той поры уж столько лет прошло; почти все участники повымерли. Но старые кавказцы их помнят и люто ненавидят. Именно беглые русские обучили войско имама, создали ему артиллерию, строили со знанием саперного дела крепости и завалы. Рассказывают, что даже без поляков чисто русских дезертиров в горах было более тысячи человек. И многие из них показали себя как настоящие звери... Добивали раненых, пытали пленных. Бежали-то самые отбросы! Среди русских мюридов¹ находились даже офицеры! В 1843 году прапорщик Залетов из Тифлисского пехотного полка сдал горцам аул Ахальчи с нашим гарнизоном. Перебил ночью караул и открыл ворота... Две роты попали в плен со своими командирами; кто пытался сопротивляться — был зарублен. А бывший сотник Лабинского полка Атарщиков любил, надев мундир, разъезжать по нашим тылам на Кавказской линии и брать «языков». В 1844 году он захватил и увез в горы поручика Глебова, адъютанта самого генерала Нейгарда, командующего Кавказского корпуса. Вообще же история с дезертирами (туземцы называли их «наши русские») темная. Верных сведений очень мало. Мы знаем, например, что картографами у Шамиля были три офицера Генерального штаба: два поляка и один русский. Но имена их неизвестны. В строю состоял и воевал с нами целый русский батальон. Батальон! Начальник его, а также ротные и взводные командиры все были офи-

---

¹ Мюриды (букв. воители за веру) — название солдат Шамиля.

церы! Немыслимо! Артиллеристы тоже были наши дезертиры. Когда в 1859 году Шамиля наконец добились, в его павших крепостях насчитали 52 орудия! Половина самодельные, а половина забрана у нас. Рядовой канонир не сможет отлить орудие и даже не сумеет метко из него стрелять; требуется знать математику, физику, баллистику. А они умели... В 1845 году светлейший князь Воронцов захватил и сжег столицу Имамата — аул Дарго. В нем обнаружили так называемую Солдатскую слободу, застроенную русскими избами. В слободе были костел, православный храм и моленный дом для старообрядцев. А еще ткацкая фабрика, пушечный двор, мастерская для отливки ядер... У горцев оказались даже конгриевы ракеты!¹

— Ты рассказываешь о делах давно минувших, — умерил пафос генерала Благово. — Сорок лет прошло; пора позабыть. Кости Шамиля уже истлели в земле.

— Вы полагаете, что старик в желтой чалме — из них? — спросил Енгальчева Лыков. — Не умер и не унялся? Офицер?

— Очень похоже, — кивнул генерал. — Беглый крестьянин не выслужился бы у турок в полковники. Солдат-дезертир? Сбежал бы с Кавказа после падения Шамиля от греха подальше. А тут всю жизнь вредить России! Почти полвека положить на борьбу. Нет, тут враг, враг идейный, и он не уйдет на пенсион.

— Как же он спасся, когда пал Гуниб?² Дезертиров разве не судили?

---

¹ Конгриевы ракеты — реактивное оружие XIX века. Стреляли зажигательными снарядами.

² Аул Гуниб — последняя резиденция имама Шамиля. Был взят штурмом русскими войсками 25 августа 1859 года. С его падением завершилось покорение Северного Кавказа.

— За это мы должны благодарить князя Бярятинскаго. Когда его войска пошли на штурм последне-го оплота Шамяля, у того оставалось не более 400 верных мюридов. Больше половины из них были русские перебежчики, причем такие, которым сдаваться было никак нельзя — руки по локоть в крови. Имама тогда предали все. Самые верные наобы переметнулись к нам. Обоз с золотой казной разграбили свои же аварцы. Князю следовало бы перебить тех, кто отказался сложить оружие, и выжечь скверну дотла. Сил было предостаточно. Но он решил сделать подарок императору ко дню рождения, и каждый час был важен; могли опоздать на день другой. И князь затеял переговоры об условиях капитуляции, вместо того чтобы отдать приказ «в штыки!». Вот хитрый старик и выпросил у Бярятинскаго прощение всем, кто оставался с ним в Гунибе. Так шестьдесят изменников, дезертиров, беглых каторжников ушли от возмездия. Многие потом попались на других преступлениях — они же ничего более делать не умели; но главные улизули. Мы, военная разведка, знаем кое-кого поименно. Их тайно ищут все сорок лет и будут искать, пока жив хоть один предатель. Бывшие офицеры самые идейные и самые опасные из них. Ведь не туркам же служит старик-сартип; за турками стоят англичане. Всегда и везде, где только начинаются козни против России, проглядывает британский след. Вот давеча поймали Алпатова...

— Кто таков?

— Дезертир из моздокских казаков. Редкий мерзавец. Как и Атарщикова, любил лихачить в наших тылах в полной форме. Нападал на тех, кто ехал

без конвоя, грабил и уводил в рабство. Прославился тем, что в 1842 году похитил жену полковника Попова. Пришлось ее, бедную, потом за большие деньги выкупать. Сидел с Шамилем в Гунибе, был отпущен князем Бярятинским и сбежал в земли адыгов. В 1864 году Западный Кавказ был очищен от горцев, и Алпатов надолго пропал. Появился в 1877 году под Баязетом, где убивал наших раненых и пленных. Вместе с сыном Шамиля, Казии-Магомой... После перемирия опять исчез. Год назад мы получили интересное сообщение. С пассажирских пароходов, направляющихся из Турции в крымские порты, отпускают в море почтовых голубей. Те летят над Черным морем напрямик в британское посольство в Константинополе, заучивают маршрут. Понятно, для чего?

— На случай войны?

— Именно! Англичане готовят пути для пересылки шпионских сведений от своей агентуры. Мы начали следить за голубятниками и арестовали в Феодосии их человека. Это и оказался давно разыскиваемый Алпатов. Так что, господа, все очень серьезно.

— Ладно, — подытожил Обручев. — Задача вам понятна. На сборы Таубе и Лыкову даю 48 часов. Письменные инструкции получите завтра у генерала Енгальчева. Подъемные, господин коллежский ассессор, возьмете в своем департаменте. Вы временно, на три месяца, прикомандированы к Военному министерству с сохранением жалованья по МВД. Уж покорнейше прошу простить — у нас режим экономии... Черт бы его побрал! Указания вашего министра графа Толстого вы обязаны выполнять только

в той части, в которой они не противоречат полученным инструкциям. Все ясно?

— Здорово, ваше высокопревосходительство, — съязвил Благово. — Деньги — наши, а указания — ваши. Награды, поди, тоже себе заберете?

Но Обручев только набычился и просипел:

— Награды сперва надо заслужить.

• 2 •

СБОРЫ

Два дня после совещания в Главном штабе ушли у Алексея в непрерывных сборах. Депатрамент полиции не собирался отпускать своего чиновника в командировку за просто так. В сыскное отделение Темир-Хан-Шуры¹ следовало передать целый тюк корреспонденции. Главный документ — «Особый секретный алфавитный список разыскиваемых преступников» — дополнялся опознавательным альбомом с фотографическими портретами злодеев. Плюсом — семнадцать циркулярных писем, регламент о дознании политических преступлений, анкета к годовому отчету городского полицейского управления, сметная ведомость и даже бланки служебных формуляров... Как будто коллежский асессор едет на Камчатку, а не на обжитый и обустроенный Кавказ!

Более всего Алексея поразило следующее письмо из родного департамента:

«В. нужное.

---

¹ Темир-Хан-Шура — столица Дагестанской области (нынешнее название — Буйнакск).

Экстренно.

Секретно.

Г-ну Полицмейстеру г. Темир-Хан-Шура.

Прошу принять меры к розыску и задержанию бразильского подданного Товия-Альфонса-Касадо Лима, бывшего казначея Манаосской таможни штата Амазонка. Указанный Лима присвоил себе 939 511 мильрейсов 476 рейсов (примерно один миллион рублей) и бежал в Европу. По некоторым сведениям, он мог приехать в южные города России. Приметы...» — и так далее.

Лыков с трудом представил себе беглого бразильского подданного, скрывающегося где-нибудь в Дербенте с мешком загадочных мильрейсов. Куда он с ними, бедолага? В трактире не примут, в гостинице тоже...

Плохие воспоминания пробудило другое письмо департамента:

«Арестантское.

Г-ну Полицмейстеру, всем Исполнительным Чиновникам.

Объявляется циркулярный розыск в отношении крна¹ Владимирской губернии Покровского уезда Митинской волости деревни Зиновской Финиеста Иванова Раковникова. Указанный Раковников в 1884 году в Петербурге во главе шайки душителеев убил 8 и ранил 1 человека. В числе жертв фабрикант ваксы и чернил Гонтмахер. При задержании Раковников убил околоточного надзирателя. Приговоренный к бессрочной каторге, бежал с этапа, тяжело ранив ефрейтора конвойной команды и часового. По аген-

---

¹ То есть крестьянина.

турным сведениям, может скрываться в Кавказских городах. Приметы: рост 2 аршина 5 и 5/8 вершка, рот обыкновенный, зубы все, нос продолговатый, лицо чистое. Возраст 30 лет. Волосы темно-русые, борода и усы рыжеватые. Телосложение плотное. У внутреннего края правой лопатки родимое пятно черного цвета. На груди на 4 пальца ниже левого соска пятно красного цвета; ниже его по той же линии рубец от бывшего небольшого нарыва. На правой ноге второй палец, рядом с большим, немного короче остальных. При задержании чинам полиции соблюдать особенную осторожность».

Лыков знал Финиеста Раковникова лично. В октябре у коллежского асессора родились близнецы. Одного сразу назвали Павлом — в честь Благово, а второму имя подбирали несколько дней. Алексей предложил Вареньке назвать малыша в память о ее покойном отце Александром. Однако та кротко, но твердо воспротивилась... Александр Нефедьев совершил страшный грех — покончил с собой в 1881 году, оказавшись замешанным в убийстве. Неожиданно объявился побочный сын и предъявил доказательства законности своего рождения... Очень любивший свою Вареньку, оказавшуюся вдруг, вследствие подлой интриги, бесприданницей и незаконнорожденной, Нефедьев с отчаяния заказал убийство своего нежданного отпрыска. Когда все совершилось и оказалось притом бесполезным, он ужаснулся собственному поступку и застрелился. Дочь, хоть и простила отца, но боялась перевести его имя на своего сына. Из понятного опасения — как бы вместе с именем не передалось ему тернистое прошлое деда. Когда Лыков понял причины, он согласился, чтобы

второго малыша назвали в честь его отца — Николаем; здесь молодые родители и помирились. И то сказать — это была их первая размолвка почти за год семейной жизни...

Близнецы росли крепкими и веселыми. Внешнее их сходство не было особо сильным. Павлука оказался ниже ростом и разрезом глаз пошел в мать, а Николка более походил на отца. Счастливый папаша стал раньше возвращаться со службы, мог часами возиться с потомством в ущерб прочим делам. Его жизнь разом изменилась, сделалась наполненной и интересной, как вдруг случай показал коллежскому ассессору оборотную сторону этого счастья...

Летучий отряд департамента получил приказ: помочь столичному градоначальству в поимке банды Раковникова. Тот уже совсем распоясался, убив за два дня в Петербурге и окрестностях четырех человек. Агентура донесла, что преступники скрываются на складе воздушных звонков на Большой Гребецкой улице. Семеро мужчин в статском, все атлетического сложения, оцепили склад, но внутрь не заходили, замешкались у входа. Обычно первым это всегда и безбоязненно делал помощник начальника отряда Лыков. Но сейчас он вдруг вспомнил, как Павлука давеча расцарапал ему маленькими ноготками нос, и не смог переступить порога... Это было неожиданно, непривычно, очень постыдно, но ничего поделать с собой Алексей не мог. Прошло тягостных две минуты. Наконец сыскной городской Загулин крякнул и, шагнув вперед, взялся за ручку двери. Тут Лыков опомнился, оттер его плечом и с взведенным револьвером вскочил в склад; остальные ворвались следом. Но лишь слышали удаляющиеся шаги в

дальнем конце огромного помещения. Алексей бросился на звук, остальные агенты с трудом поспевали за ним. Вторые ворота склада выходили на Малую Разночинную. Выбежав из них, коллежский асессор споткнулся о распростертое тело околоточного надзирателя Кузнецова, поставленного здесь в засаду. В груди полицейского, напротив сердца, алела крупная ножевая рана...

В тот вечер Лыков не вернулся со службы домой, а принялся слоняться по холодному мокрому городу. Потоптался у парадной подъезда дома на Театральной улице, где жил Благово. Не вошел... Не хотелось никого видеть. Сунулся в три портерных, выпил водки без закуски, но это не помогало. В глазах стояли его товарищи по Летучему отряду, надежные, проверенные в опасных делах люди — и как они смотрели на Лыкова там, у склада, и отводили торопливо глаза. Начальник, надворный советник Мукосеев, хлопнул своего помощника по плечу и сказал задумчивым голосом:

— Не кисни, Алексей Николаич, эдак с каждым бывает. Как поймешь, что цена твоей жизни теперь другая... Ничего, привыкнешь.

Агенты отряда поддержали Мукосеева и тоже сказали ободряющие слова. Жизнь есть жизнь, люди это понимали. Но и Лыков понимал, что в смерти околоточного надзирателя виноват лично он. Себя пожалел — а его вместо себя под нож подставил... И теперь товарищи уже никогда больше не будут уверены в нем до конца, как было до этого случая.

Лыкову пришлось смириться со случившимся. Теперь он каждый месяц заносил вдове Кузнецова сто рублей (вдвое больше жалованья погибшего). Серая,

убитая горем женщина деньги брала и очень благодарил, но сыщику все казалось, что она никогда его не простит. Может быть, только казалось... Чувство вины, мучавшее Алексея, толкнуло его на крайне неосторожный поступок. Агентура донесла, что Раковников укрылся в Пироговской лавре. Когда Летучий отряд закупорил с обеих сторон Малков переулок, Лыков оставил своих людей у входа, а сам пошел на разведку. Сказал: погляжу осторожно и вернусь. А сам отправился брать Раковникова в одиночку. Осведомитель сообщил, что с «мазом» всего один сообщник. Он ошибся: в маленькой комнатке укрывалось, считая с Раковниковым, пять крепких и бывалых головорезов. Это была, наверное, самая трудная и опасная схватка в жизни Лыкова: он получил три ножевых ранения, а удар кистенем скользнул по голове и перебил уже сломанную когда-то ключицу. Двоих бандитов Алексей выбросил в окно с четвертого этажа: они упали на крышу дровника, сильно расшиблись, но выжили. Только тогда товарищи Лыкова сообразили что к чему и бросились наверх. Когда они ворвались в комнату, Лыков, весь в крови, сидел верхом на главаре и выкручивал ему руку в плечевом суставе. Еще два гайменника¹ лежали по углам: у одного, живого, был выбит глаз, голова второго была страшным ударом вколочена в грудную клетку...

Алексей лечился целый месяц. Варенька только теперь поняла настоящий характер мужниной службы. На время лечения коллежский асессор был отозван из Летучего отряда и причислен к МВД без должности. Шло расследование происшествия.

---

¹ Г а й м е н н и к — убийца (*жафг*).

Лыков доказывал, что был неожиданно обнаружен бандитами во время разведки и оказался вынужден вступить в схватку. Но начальство ему не верило. Новый директор Департамента полиции Дурново собирался отчислить Лыкова — из-за nepoзвoлитeльных эмоций тот поставил под удар всю операцию. Но не решился: Алексей был лично известен императору. Кроме того, за скромным коллежским асессором высилась тень Павла Афанасьевича, который был вхож в такие кабинеты, что страшно вымолвить. И Дурново отступил. Лыкова лишили наградных к Рождеству и вернули в Летучий отряд.

Благово дождался, пока Алексей встанет на ноги, и увез его на охоту в Вартемяки. Хозяин имения, граф Петр Шувалов, начальник Гвардейского корпуса, предоставил гостям и егерей, и отдельный флигель. Два дня учитель и ученик караулили волков на номере, пили водку у костра и беседовали о всякой всячине. Вернулись посвежевшие, и уже на пороге, прощаясь, Павел Афанасьевич сказал:

— Понимаю: страшно жить, когда ты не один. Делаешься очень уязвим... За них всегда боишься больше, чем за себя. А за себя боишься по-новому, не как прежде. Опасаешься не дожить до следующих степеней счастья, видеть, как дети растут, мужают... Женить их, повзрослевших, ждать потом внуков... Я лишен этого, но понимаю тебя. И все понимают: Мукосеев, товарищи по отряду, даже Дурново. Тебе надо научиться жить с этим. И не делай, пожалуйста, больше таких глупостей.

И вот теперь Раковников бежал с этапа. Хорошо бы встретить его в этих самых «Кавказских городах». И свернуть при задержании шею.

Благово дал Алексею еще одно личное поручение, не объясняя его сути. Требовалось зайти в архив Окружного суда на Литейном, взять некую банку под номером 43 и отвезти ее в Темир-Хан-Шуру. А там Лыкова встретят и посылку заберут. На вопросы, что это за склянка, зачем везти ее так далеко и кто получатель, шеф лаконично сказал:

— Делай что велю.

И Алексей отправился на Литейный.

Надо было забраться на чердак огромного двухэтажного, на высоком цоколе, здания суда. Поднявшись, он сразу почувствовал тяжелый неприятный запах. Очень знакомый запах — так сохраняют трупы... А еще резкая добавка спирта, которая делала пребывание на чердаке чуть более терпимым. Около сотни стеклянных банок, выставленных на полу и на длинных деревянных столах, занимали все помещение. Некоторые были укутаны в оберточную бумагу, но большинство стояло открыто. В банках, хорошо различимые в формалине, плавали то отрубленные людские головы, то руки, то ноги, а где и внутренности... Это был архив останков жертв давнишних преступлений; некоторые склянки стояли здесь уже более двадцати лет. Как вещественные доказательства, они фигурировали в суде и должны были теперь храниться бессрочно.

Даже привычного Лыкова замутило от увиденного. Смотритель архива, румяный крепыш с петлицами коллежского секретаря, улыбнулся.

— У нас все тушуются! Это от отсутствия привычки.

— К черту такую привычку. А вы, стало быть, обвыкли?

— Да уж восьмой год эти потроха караулю, поневоле привыкнешь. Какая там у вас банка?

— Сорок третья.

— Ага, это вон в том конце. Между головами фон Зона и Штрама¹.

— А в моей банке что находится?

— В вашей-то? А сердце.

— Сердце? Чье?

Они как раз проходили мимо очередной емкости, в которой плавало что-то белесое и волокнистое.

— Это кишки того парня, что в 74-м нашли на колокольне Спасской церкви... — пояснил смотритель. — А сердце доставили в 67-м году из Новгородской губернии. Принадлежит оно какому-то магометанскому фанатику по прозвищу Кунта-Хаджи.

— Ну и ну! — удивился Лыков. Как человек, бывавший на Кавказе, он слышал это имя. Основатель и вождь чеченского вирда братства Кадирия², Кунта происходил из простых пастухов. Став главой братства на Кавказе, он привел в него множество сторонников и сделался влиятельной теневой фигурой, фактически равной официальной власти. Русской администрации это не понравилось, и в 1864 году шейх был арестован и выслан в Новгородскую губернию. Говорили, что он умер в ссылке, а тело его было выкрадено учениками и тайно похоронено где-

---

¹ Надворный советник Н. фон Зон был убит с целью ограбления 7 ноября 1867 г.; Ф. Штрам убит собственными женой и сыном 11 сентября 1871 г. Архив останков сгорел вместе со зданием Окружного суда в феврале 1917 г.

² В и р д — отделение. К а д и р и — одно из ответвлений суфизма. Основано великим персидским теологом Абдул Кадиром в XII веке.

то в горах. И вот теперь Благово зачем-то заставляет Лыкова возвратить на Кавказ сердце этого давно забытого властителя умов...

— А как этот трофей оказался в здешнем архиве?

Смотритель глянул в толстый журнал.

— Об этом имеется следующая отметка: «Означенный орган вырезан и препровожден для бессрочного хранения по особому распоряжению Кавказского Наместника великого князя Михаила Николаевича».

— Это для чего же?

— И сие разъяснено. Вот: «С целью лишить мятежников предмета, могущего быть фетишем».

— Глупость какая! — не выдержал Алексей. — Вместо того чтобы предать покойника земле, как велит порядочность, режут его на части... Нашли фетиш! Давайте сюда банку.

Лыков аккуратно уложил свою странную ношу в чистый холщевый мешок, расписался в журнале и почти бегом удалился из страшного места. К анатомическим деталям он относился спокойно — много уже повидал их на своем веку. Как православный человек, Алексей был возмущен диким произволом бывшего кавказского наместника. Если Благово хочет, чтобы именно он вернул сердце хаджи в горы, то что ж, это вполне по-христиански.

— Павел Афанасьевич, — доложил он через четверть часа, — банку я из архива забрал. Как мне поступить, ежели вдруг в Темир-Хан-Шуре меня с ней никто не встретит?

Благово хмыкнул в седые усы.

— Встретят и заберут, не бойся.

— А зачем это вообще делать?

— Для твоей безопасности.

— Нельзя ли разъяснить? — спросил Алексей с некоторым раздражением.

— Не злись, пожалуйста. Окончательно ты это поймешь, когда окажешься там, в горах.

— Я, позвольте напомнить, там уже бывал. И все равно не понимаю.

— Ты бывал там, я помню. И воевал, и кровь проливал. Но в качестве кого? Как вольнопуп. Вольноопределяющийся первой категории¹. А здесь политика, восточная, азиатская. Когда ты окунешься в нее по самую маковку вместе со своим другом-бароном, то скажешь мне спасибо за идею с посылкой. Пока же поясню лишь одно. Кунта-Хаджи умер, но организация его жива и даже процветает. Кадирийский тарикат сделался параллельной структурой власти, теневой администрацией всего Северного Кавказа. Правительство опасается его, пытается искоренить, и, на мой взгляд, совершенно напрасно. Надобно с ним сотрудничать, извлекать свои выгоды. Однако кавказское начальство еще со времен Михаила Николаевича отличается тупостью и нежеланием ладить с горами. А ты выкажешь себя другим! Братство Кадирия будет очень признательно тебе за подарок. Очень! И это может весьма пригодиться вам с Таубе.

— Как состоится передача?

— Очень просто. Они сами тебя отыщут, как только приедешь. Отдашь, они сядут на коней и ускачут. «Спасибо» не жди. Но эти люди добро помнят.

— Получается, что вы своей властью отменили распоряжение великого князя?

---

¹ Вольноопределяющийся первой категории — доброволец, окончивший полный курс гимназии.

— Получается. Я поговорил с председателем Окружного суда, объяснил абсурдность и дикость команды наместника, и тот написал записку в архив.

— Вас накажут, если узнают.

— Алексей! Это ерунда по сравнению с теми действительными опасностями, которые достанутся тебе... Так что бери склянку и езжай домой, укладываться в дорогу. Я приеду на вокзал проводить.

• 3 •

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Лыков пошел на квартиру, стараясь поменьше махать мешком с банкой. Не дай бог, разобьешь... Коллежский ассессор жил теперь совсем рядом со службой, на углу Моховой и Пантелеймоновской. После рождения детей жалованье перестало его интересовать. Сыновья, получив двойную фамилию, унаследовали огромное заповедное имение в Костромской губернии, дающее почти сто тысяч годового дохода. Лыков был назначен опекуном имущественных интересов собственных детей до достижения ими совершеннолетия. Управляющего он искал недолго. Вскоре после выхода именного указа о появлении фамилии Лыковых-Нефедьевых из Нижнего Новгорода пришло письмо. Старый друг Ян Титус сообщил сразу две новости. Во-первых, он тоже женился, а во-вторых, поссорился со вздорным губернатором Барановым. И получил от него совет уволиться от должности начальника сыскной полиции. Ян просил приискать ему место, и лучше не в полиции, а какую-нибудь частную службу. Надоело видеть каж-

дый день одни преступные рожи и пытаться, как говорят немцы, вычерпать водоем клинком... Предложение переехать в крохотный городок Варнавин (1052 жителя!) и взять в управление заповедное имение бывший сыщик принял с радостью. Должность самостоятельная и непростая. Воровать он не умеет, но умом Бог не обидел. Содержание – в четыре раза выше казенного! А отчитываться – Лешке Лыкову... Эхма! Госпожа Титус оказалась тоже не прочь поехать в лесную глушь. Происходила она из честного купеческого семейства, светские соблазны ее не прельщали. Любви мужа и уважения соседей ей было достаточно; еще бы детей побольше... Так Яан оказался в глухих костромских лесах, где с удовольствием занялся новым делом, умножая в перерывах количество маленьких Титусиков. А Лыков получил управляющего, за которым не нужно проверять счета.

Коллежский асессор не сразу привык к богатству. Он имел собственный капитал, полученный от сдачи в казну ворованного золота. В свое время Лыков разгромил в Забайкалье шайку «нерчинского губернатора» Бардадыма и конфисковал песок и самородки, украденные им с кабинетских приисков. Жалованье плюс проценты с этого капитала позволяли сыщику жить без роскоши, но вполне обеспеченно. Свалившееся на него с женьбой богатство он своим не считал – это деньги супруги и детей. Но начались ссоры с Варенькой, когда она пыталась приодеть мужа или купить ему новые запонки. Наконец однажды, после очередного неприятного объяснения, Варенька сказала ему своим кротким голосом:

– Дорогой, что же у нас будет за жизнь, если мы продолжим делить деньги на твои и мои? Мы четве-

ро — одна семья. Ты у меня, слава богу, не мот и не картежник; лишнего у детей не отнимешь. А быть за мужем за оборванцем я не согласна!

И Лыков согласился. Сам понимал, что делается уже смешон в своей излишней щепетильности. Коллежский ассессор безропотно принял золотые запонки и обновил мебель в кабинете. В новой шестикомнатной квартире у него теперь был и свой кабинет! Кухарка, горничная и няня составили штат прислуги; лакея для себя и выезд Лыков запретил даже обсуждать. Безбедная, почти роскошная жизнь обходилась молодому семейству всего в пять с половиной тысяч в год. Эти расходы полностью покрывались жалованьем сыщика и процентами с его капитала. Правда, если не считать сумм на съем квартиры — самой дорогой статьи столичных расходов. Необходимые две тысячи (включая дрова) выплачивались уже из доходов от имения. Еще около тысячи рублей уходило на различные экстренные нужды. Все остальные поступления помещались в банк на имя Павла и Николая Лыковых-Нефедьевых равными долями.

Варвара Александровна явила собой пример очень приличной светской дамы. Молодая и красивая, имевшая в Петербурге большое и знатное родство, она делала все положенные визиты и поддерживала необходимое знакомство. Но дети и муж оставались на первом плане. Часто приходили в гости Благово и Таубе, а еще помощник пристава Спасской части подполковник Закс-Гладнев и городской Федор Кундрюцков. К последнему Варенька особенно благоволила.

Весь высший свет помнил, что государь принял личное участие в судьбе юной сироты. Дважды (!)

по ней издавались именные указы: о возвращении фамилии девице Нефедьевой и о переходе наследственных имущественных прав к ее потомству. Благодаря этому молодое семейство было окружено уважением — и осторожным любопытством. Богатырь, не очень уверенно державшийся в шикарных гостиных, неброский и молчаливый, хорошо смотрелся возле красавицы жены. Покровительство императора, словно невидимый щит, прикрывало оперативника. В январе этого года фон Плеве был сделан товарищем министра внутренних дел, и директором Департамента полиции стал Петр Николаевич Дурново. Как и Павел Афанасьевич, он служил ранее во флоте, оттуда перешел в судейские и несколько лет состоял в департаменте вторым вице-директором. В свете шутили, что, выбирая между благим и дурным, государь выбрал дурного... Испытывая давнюю неприязнь к своему коллеге и сопернику, новый директор начал было выживать его, а заодно и Лыкова. Но тут же с самого верха раздался такой окрик, что Дурново сразу притих. Служба вроде бы наладилась, но Алексей был рад, что его семейство теперь навсегда обеспечено и не зависит от его жалованья. Правда, жизнь рантье он себе представлял плохо. Таубе недавно успокоил своего приятеля, сказав: «Станет совсем плохо — возьму к себе в разведку».

Лыков зашел в квартиру, сбросил сюртук с фуражкой на руки горничной Авдотье, а склянку с секретным содержимым аккуратно поставил в одежный шкаф. Хотел сразу пройти в детскую, но не успел: из коридора послышалось звонкое шлепанье по полу четырех маленьких ладошек. Павлука и Николка сами ползком чесали к нему наперегонки. Схватив

потомство в охапку, счастливый папаша отправился с ними в путешествие по квартире. В гостиной обнаружил жену. Та сидела за географическим атласом, раскрытым на слове «Кавказ», и делала вид, что не грустит. С тех пор как она увидела мужа после трех ножевых ранений, Варенька сразу и навсегда поняла скрытую суть его службы. И что ей придется мириться с этим, ждать страшного известия и надеяться, что оно не придет.

— О! Дагестан! — сказал Алексей, присаживаясь в кресло напротив и спуская детей на пол. — Бывал я в тех краях. Горы такие красивые...

— Ага, — неожиданно шмыгнула носом супруга. — И люди там душевные. Только все с ружьями и кинжалами.

— Так мы с Витькой будем, и при нас сотня казаков в придачу, — соврал Лыков. — А потом, на Кавказе давно уже тихо. Настрелялись все вдоволь. Посмотри лучше, Чунеев, кажется, мокрый.

Чунеев — было прозвище Николки, а Павлуку звали — Брюшкин.

Но Варенька шмыгнула еще громче, и из глаз ее полились беззвучные слезы.

— Перестань, перестань, — Алексей мягко вытер жене глаза платком. — Не реви, пожалуйста, детей напугаешь. Я вернусь. Я всегда отовсюду возвращаюсь. Скажи лучше, что тебе привезти с Кавказа? Там в Кубачах делают замечательные вещи. Говорят, именно кубачинцы изготовили двурогий шлем Александру Македонскому, а нашему Александру Невскому выковали серебряный щит. Куплю тебе там браслеты. Иди, распорядись насчет ужина, а я пока дособеру вещи.

Варенька улыбнулась сквозь слезы и вышла. Брюшкин и Чунеев припустили следом за ней. Алексей вернулся в прихожую, незаметно вынул мешок и, таясь, пронес его в комнату. Аккуратно уложил сердце Кунта-Хаджи в седельный чемодан, закутав банку в носильные вещи. В другую половину чемодана поместил револьвер «бульдог». Он не сомневался, что этот предмет весьма понадобится ему в предстоящей командировке...

• 4 •

НАЧАЛО ПУТИ

Поезд на Москву уходил в половине одиннадцатого пополудни. Утром Лыков с Таубе оказались в Первопрестольной. Алексей не был тут два года, с самой коронации. Начальство торопило, поэтому в Нижний они выехали спешно, едва успев отобедать. Еще четырнадцать часов в дороге — и коллежский ассессор обнял матушку и сестрицу.

Хорошо дома! Половодье уже сошло, Волга вернулась в берега. На деревьях нерешительно пробились первые листья. Лыков с Таубе почти не соснули — чуть не до утра просидели с Форосковым и Титусом. Ян по такому случаю был вызван телеграфом из Варнавина. Петр Форосков служил ранее его помощником в сыском отделении. Когда Титус уволился от должности, Петр тоже не захотел остаться. Теперь он состоял при пароходном товариществе Зевеке в качестве «делопроизводителя по тонким делам». Известно, что в России расцвел новый мошеннический промысел. Специальные адво-

катские конторы в Москве и Петербурге занимались взысканием с фабрик, железных дорог и пароходных обществ денег за причиненные работникам или пассажирам увечья. С этой целью они создали сеть платных осведомителей, сообщавших им обо всех произошедших несчастных случаях. Адвокаты выкачивали потом с ответчиков крупные суммы страховых выплат, из которых самим жертвам доставались крохи... Форосков препятствовал появлению таких исков, договариваясь с жертвами несчастий во внесудебном порядке; отвечал и за предотвращение краж на пароходах и складах товарищества. Новая служба была беспокойной и иногда опасной, но хорошо оплачивалась. В полиции Петра любили и при необходимости охотно помогали...

На следующее утро Лыков с Таубе пошли представляться. Сначала, как положено, явились в губернаторский дворец. Начальник губернии затаил злобу на Алексея еще с Петербурга, где некоторое время занимал пост градоначальника. Однако телеграмма министра внутренних дел была категоричной: «Оказать полное содействие», и уклониться от приема Баранов не мог. Он вышел к посетителям в сюртуке с Георгием, мрачно выслушал рапорт, поинтересовался, в чем именно гостям требуется помощь. Таубе, как старший, вел разговор, Алексей больше молчал. Выяснив, что нужно быстроходное судно для отбытия в Астрахань, губернатор набросал записку полицмейстеру и холодно простился.

Выйдя от Баранова, приятели разошлись. Подполковник пошел представляться старшему воинскому начальнику. В Нижнем Новгороде квартировала 1-я бригада 3-й стрелковой дивизии. К ее команду-

ющему, генерал-майору Коноплянскому, барон и отправился. А Лыков поспешил на свое прежнее место службы, в городское управление полиции.

Полицмейстер Каргер встретил бывшего подчиненного радостными восклицаниями:

— Леша! Экий ты сделался молодец!

Старик выбежал из-за необъятного стола, обнял Алексея и прижал к себе. Затем отступил на шаг, осмотрел внимательно иконостас на груди.

— Уже и шейный орден заимел! Коллежский ассессор!

— Что ордена, Николай Густавович! Вот у меня два сына родились, так это событие! Одного Павлом назвали, понятно, в честь кого; второго Николаем. Восьмой месяц пошел. Мордарию — во! Лихие должны быть ребята.

— Еще бы! Папаша у них — герой. Ну, садись, расскажи, как служба идет. Я слышал, ты у самого государя на примете?

— Не то чтобы на примете, но Станислава на шею он мне сам вручил. И камер-юнкерских орлов¹. А Павлу Афанасьевичу — камергерский ключ. Мы с ним были удостоены личной аудиенции. Силищи у его величества почти как у меня! Так руку сжал, едва пальцы не сломал!

— Ха! Тебе сломаешь... А как с новым начальником? Разное о Дурново говорят...

— Ну, дело-то он знает. Дурново исправлял должность с ноября прошлого года, так что мы уже притерлись. Служить можно.

---

¹ Имеются в виду двуглавые орлы на мундирных петлицах и погонах, отличительные знаки камер-юнкера.

— Еще говорят, что ты сделался богач...

— Заповедное имение Варвары Александровны дает такой доход, что о жалованье можно уже и не думать. Да и сам кой-чего в Забайкалье заработал... Помните, я вам на свадьбе рассказывал? Так что копейки больше не считаем.

— Молодец, Алексей, — кивнул Каргер. — Материальная независимость в России важнее чина или ордена. Я вот генерал-майор, а концы с концами едва свожу. Тут еще этот случай...

Год назад в заречной слободе Кунавино ни с того ни с сего разыгрался кровавый еврейский погром. Какая-то дурная баба бросила свою полуторагодовалую дочь посреди улицы в грязи. Две еврейские девочки, семи и десяти лет от роду, увидев это, взяли ребенка на руки и пошли искать мамашу. Но она вскоре подросла сама и подняла крик, что «жиды украли младенца». И этой глупой истории оказалось достаточно для того, чтобы полупьяная толпа принялась громить еврейские лавки и квартиры... Беззаконие продолжалось до утра. Каргер во главе небольшого отряда полицейских и пожарных пытался предотвратить кровопролитие, но не очень преуспел — силы были не равны. Шестидесятидвухлетний генерал лично схватил троих погромщиков, получив от толпы контузию в грудь. Итогом болтовни взбалмошной бабы стали девять убитых евреев.

— Веришь, Леша — чуть со службы не турнули. Восемнадцать лет полицмейстером, никогда ни одного замечания, а тут из-за какой-то дуры... Ну ладно, это я по-стариковски. Обидно. Давай рассказывай теперь, по какому делу ты здесь?

Лыков выложил записку губернатора.

— Так... Быстроходное судно. Осетров на Каспии бить собрался? Хе-хе...

— Секретная командировка в Дагестан, — лаконично ответил коллежский асессор.

Николай Густавович немедленно вызвал начальника речной полиции капитана второго ранга Жеребко-Ротмистренко. Тот доложил, что буксирный пароход «Боярышня» может отплыть через восемь часов. Условились, где судно будет их дожидаться, и Лыков ушел гулять по родному городу. Он не спеша фланировал тихими после столицы улочками, то и дело вспоминая свои старые расследования. Вот губернская гимназия, в которой убили единокровного брата Вареньки — Михаила Обыденнова. А здесь хлысты в 79-м собрались уже душить Благово, да Алексей вовремя подоспел... Особняк Бурмистрова, в котором жена с любовником отравили несчастного хозяина... Казарма на Грузинской, где сормовский мазурик зарезал часового... Теперь другие сыщики ловят в Нижнем Новгороде других бандитов.

Алексей вернулся домой и провел оставшиеся несколько часов с матушкой и сестрицей. Та была в положении — муж, волжский капитан, наконец-то занялся делом... В условленное время сыщик и разведчик прибыли к Боровскому перевозу. «Боярышня» уже стояла под парами. Загрузили вещи, Лыков помахал родным берегам, и пароход отчалил.

Путь до Астрахани занял четверо суток. Никогда еще у Алексея не было такого приятного путешествия. Судно в их полном распоряжении, денег полны карманы, а в качестве начальника и попутчика — лучший друг! Питались они преимущественно стерлядью, которую на ходу ловили матросы.

На пристанях, когда «Боярышня» становилась под загрузку дров, бегали на пассажирские пароходы, чтобы поесть в их буфетах мясного и выпить чарку водки.

23 мая прибыли в Астрахань. Алексей зашел на полицейский телеграф — для него ничего не было. Таубе же вернулся от воинского начальника с длинным шифрованным донесением, которое разбирал полчаса, сверяясь с блокнотом. Прочитал, по мрачнел.

— Что, турки снова объявили нам войну? — съехидничал коллежский ассессор.

— Кажется, выяснилась личность нашего старика в желтой чалме. Он действительно русский, фамилия его Лемтюжников.

— И кто таков?

— Известный в наших кругах человек. Сорок лет его ловим, поймать не можем!

— Расскажи подробнее.

— Сейчас не время. Но это плохая новость. Сво-лочь ловок, как... не знаю даже, с чем сравнить. Хотя ежели мы его поймаем, нам с тобой, Леха, сразу обеспечено место в раю! Столько на нем русской крови... А есть и вторая плохая новость. Наш осведомитель в окружении резидента разоблачен. Исправнику прислали в мешке его голову. Так что задачка попасть в рай усложняется.

В пыльной, пропахшей рыбой Астрахани, едва отошедшей от половодья, путешественники задержались недолго. На каждого было по два седельных чемодана багажа. Остановились в гостинице, сходили в ближайшие бани и к вечеру отправились на пристань.

Каспийское море очень коварно, поэтому друзья не сели на парусный баркас, а выбрали большой колесный пароход общества «Кавказ и Меркурий». Пятнадцать часов пути с сильной болтанкой здорово их измотали, поэтому на твердую землю путешественники ступили с облегчением. Порт-Петровск¹ оказался крохотным грязным городишкой, совсем почти нетуземным. Он был построен сорок лет назад как база для снабжения морем Кавказского корпуса, беспрестанно воевавшего в Чечне и Дагестане. Смотреть в городе было нечего, поэтому командированные быстро наняли возницу и поехали на юг.

• 5 •

ТЕМИР-ХАН-ШУРА

От Петровска до столицы Дагестанской области всего 40 верст — три часа неспешной езды в коляске. Выехав по Гудермесской дороге, они вскоре свернули на благоустроенное Меликовское шоссе. Князь Меликов в течение двадцати лет был бессменным начальником области и в числе прочих полезных дел соединил Темир-Хан-Шуру с морем. Путь странников лежал с Кумыкской равнины к дагестанским горам. Горы! Вот они, пока еще как мелкие зубцы, сияют снеговыми вершинами на горизонте. Сердце Лыкова учащенно билось. Девять лет назад двадцатилетним «вольнопупом» он впервые попал на Кавказ и был поражен его величием. Казалось, эта страна создана для гигантов. Стремительные, необыкновенно чи-

---

¹ Современное название — Махачкала.

стые реки; невероятной высоты седоголовые пики; непроходимые лесные чащи и опасные каменные осыпи... Лазая по горам, Алексей встречался с турами, находил наскальные доисторические рисунки и древнее оружие; однажды даже встретил огромного роста волосатого человека, похожего на гориллу. Самым же интересным на Кавказе оказались люди. Особенно туземцы — смелые, гордые, гостеприимные, часто опасные. Многие смотрели на него как на захватчика и при случае не прочь были срезать гяюру голову. Были и другие — отслужившие в императорском конвое, с гордостью носившие русские медали, честно исправлявшие должности в местной администрации. С момента падения Шамиля прошло уже 27 лет, выросли новые поколения мирных людей, развивались торговля и промышленность. Но по-прежнему управляла этим краем армия. Вот и сейчас по пути в город навстречу Алексею чаще попадались люди в погонах, нежели обыватели.

Коляска въехала на очередной пригорок, и неожиданно путникам открылся вид на столицу Дагестана. Лошади сами собой, без понукания, припустили вскачь и через полчаса остановились возле гостиницы.

Темир-Хан-Шура знаменита своим местоположением. По преданию, в 1396 году здесь, на берегу большого озера Ак-Куль, расположилось лагерем войско самого Тамерлана. В горах его называли Темир-Ханом, а «шура» по по-кумыцки — озеро; так и сложилось название. Когда армады Железного Хромца ушли, на месте их стоянки возник аул. Место было бойкое: у озера сходились важные стратегические дороги, соединяющие Аварию и Сала-

тавию с Дербентом и Кизляром. Аул процветал. Сначала он входил в Тарковский шамхал, потом в особый удел Бамата. А затем столь выгодное местоположение приглянулось русским, и в 1832 году возле аула появилось военное укрепление. Сначала оно было складочным пунктом для снабжения русских войск. Через два года его основательно расширили и назначили ставкой командующего войсками в Северном Дагестане. Озеро — рассадник лихорадки — осушили, а туземцев переселили в Халимбекаул.

11 ноября 1834 года Темир-Хан-Шуру осадили мюриды под командой самого Шамиля. Храбрый аварец только что был выбран сходом горских общин новым имамом, вместо своего друга Гамзат-бека, убитого знаменитым впоследствии Хаджи-Муратом. Шамиль решил воспользоваться ослаблением гарнизона. Отряд генерал-майора Ланского из 13 батальонов пехоты и 9 сотен казаков при 40 орудиях вышел из крепости и отправился на взятие Хунзуха — столицы Аварского ханства. Оставшиеся в укреплении 4000 солдат больше месяца отбивались от полчищ горцев. 15 декабря отважный генерал Фрейтаг пришел с подкреплением на выручку гарнизону и нанес Шамилю сильное поражение. Новоиспеченный имам отступил в отдаленный аул Ашильта, родину своей матери, и на три года прекратил активные боевые действия.

Уцелевшая Темир-Хан-Шура продолжила расширяться. В 1847 году она была назначена местопребыванием управляющего гражданской частью в Прикаспийском крае, а в 1866-м стала городом. На Кавказе, когда хотели развить какой-то пункт или усмирить его окончательно, всегда назначали

его штаб-квартирой полка или дивизии. Место тут же начинало расцветать. Солдат надо кормить и обслуживать, а офицеры и чиновники любят покупать горские изделия для сувениров. В результате в Темир-Хан-Шуре появились два завода — консервный и по изготовлению кизлярки. А также школа, училище, 2 мечети, 2 синагоги, 2 православных храма, армянская церковь и костел. В разное время в крепости служили поэты Лермонтов и Полежаев, писатель Александр Бестужев-Марлинский, а в 1857 году город посетил сам Александр Дюма!

Лыков и Таубе заселились в гостиницу Рустамбекова, наскоро умылись и пошли представляться начальнику Дагестанской области. Алексей с любопытством глазел по сторонам. За девять лет, что он здесь не был, город изрядно переменялся и украсился.

Темир-Хан-Шура вытянулся вдоль реки Шура-Азень на несколько верст. Сам город расположен у подножия плоских и безлесых предгорий, за которыми сияет снежная гряда Гимринского хребта. На главной площади возвышается белая громада Андреевского военного собора. Храм виден из любой точки областной столицы. Однокупольный, с поставленной прямо на трапезную колокольней, он — самое высокое строение во всем Дагестане. Вокруг храма по сторонам Соборной площади расположены все главные здания областного управления — присутственные места, канцелярия начальника, штаб 30-й дивизии, акцизное ведомство, казначейство и управление гражданской частью. От площади начинается и главная улица города — Аргутинская. Она названа в честь знаменитого князя Моисея Захаро-

вича Аргутинского-Долгорукова. Сей достойный муж выслужил генерал-адъютантский чин в непрерывных войнах с персами, турками и горцами. Всю свою службу Самурский лев — так прозвали князя, — провел только на Кавказе. Он дважды брал штурмом столицу Шамиля аул Гергебиль. Тридцать лет назад в Тифлисе прославленного генерала сразил паралич, и благодарные шурицы установили недавно герою памятник в начале улицы, названной его именем.

На Аргутинской Лыков обнаружил много красивых домов, некоторые из которых были даже каменными и трехэтажными. Лучшие магазины и несколько кондитерских и винных погребов располагались здесь, придавая улице парадный и завлекательный вид. Боковые переулки тоже выделялись опрятностью и живописностью строений. Прямо как в хорошем губернском городе! Аккуратные деревянные мостовые, мощенные камнем площади, шоссированные улицы и зеркальные витрины лавок ласкали глаз. Среди толпы, довольно многочисленной, преобладали два типа: военные и почему-то евреи. Последних было даже больше, чем горцев. Много попадалось и главных торговых конкурентов иудеев — армян. Сновали озабоченные поляки с бритыми лицами, степенно вышагивали крепкие бородатые молокане; немало, конечно, имелось и магометан. В Дагестане больше, чем где-либо еще на Кавказе, смешалось разных народностей. Основные — это аварцы, даргинцы и лакцы, они же казикумухи. А есть еще кайтаги, кара-кайтаги, кубачинцы, цехуры, кумыки, таты, лезгины, табасарийцы, бежтинцы, титдийцы, богулалы, гуизебцы, рутульцы... Все разговаривают на своих наречиях. А в языке табасарийцев, к приме-

ру, 37 падежей! Всего в Дагестане 30 народностей и 70 диалектов; голову сломаешь, думая, как управлять таким Вавилоном...

В помпезный двухэтажный особняк военного губернатора путешественники вошли за полчаса до окончания присутствия. Генерал-лейтенант князь Чавчавадзе уже собирался «домой» — наверху у него была казенная квартира. Быстро подавив гримасу недовольства, он принял рапорт, задал несколько вежливых вопросов и перепоручил гостей правителю канцелярии. Старый, тучный и лысый полковник тоже не собирался нянчиться с приезжими.

— Приходите завтра часам к двенадцати, а покамест погуляйте, познакомьтесь с городом. Ужинать советую в чайхане Ильясова, это вон там, через площадь.

И, надев фуражку, откланялся.

Друзья вышли следом. Лыков с интересом наблюдал, как полковник степенно вышагивает по бульвару и абсолютно все встречные его приветствуют!

— Кавказ есть Кавказ, привыкай, барончик! — сказал он Таубе. — Военный министр далеко, и здесь живут по своим часам.

— Да, — вздохнул тот. — Я уже понял. День потерян.

Как бы в подтверждение его слов из здания областного управления толпой повалили писаря, оберофицеры и туземцы в черкесках. Все они с любопытством рассматривали незнакомцев, особенно останавливаясь взглядом на подполковнике со столь редким в провинции флигель-адъютантским аксельбантом. Неожиданно из толпы выделился высокий, с прямой спиной капитан. Подошел, откозырял:

— Прошу прощения, господа, не вы ли подполковник фон Таубе и коллежский асессор Лыков?

— Именно так.

— Я начальник секретного отделения канцелярии областного управления капитан Ильин. Прикомандирован от начальника области к вашему отряду. Виноват — ждал вас завтра.

— Вины вашей никакой нет, — ответил Таубе. — Мы не хотели задерживаться в Петровске и телеграмму посылать тоже не стали. Рад познакомиться; меня зовут Виктор Рейнгольдович.

— Алексей Николаевич.

— Благодарю; меня звать Андрей Анатольевич. Полностью к вашим услугам. Мне поручено князем Чавчавадзе подготовить экспедицию в горы.

Капитан производил хорошее впечатление. Мужественное, сильно загорелое лицо человека, не просяживающего в кабинетах. Рыжеватые усы, оспина на левой щеке. Фигура крепкая, движения точные и энергические. Взгляд серо-зеленых глаз цепкий и немного отстраненный, закрытый. В душу себе, видимо, не пускает... В целом Ильин представлялся человеком серьезным и, что называется, тертым. Он был одного возраста с Лыковым.

— Вы коренной кавказец? — поинтересовался коллежский асессор.

— Точно так. Родился в Кутаисе. Ни разу в жизни с Кавказа не выезжал.

— Давно заведуете секретным отделением? Имеете ли военный опыт? — спросил подполковник.

— За участие в штурме Карса награжден орденом Святого Станислава третьей степени с мечами. Отделением заведу скоро как четыре года; объездил почти весь Дагестан.

— Там, куда нам предстоит путь, тоже бывали?

— Там не бывал. Это особое горское общество: богосцы. Они проживают вдоль Богосского хребта — самого труднодоступного места во всем Дагестане. Гора Эдрас, высочайшая в тех краях вершина, является базисом шайки; но где именно расположен лагерь, неизвестно. Русской власти там фактически нет.

— В восемьдесят пятом году еще имеются места, где отсутствует русская власть? — сощурился барон.

— Имеется, — серьезно ответил Ильин. — Одноединственное место, но имеется.

— Как так получилось, что наша власть туда не достает? — спросил Лыков.

— Попадете туда — сами поймете, — вздохнул капитан. — Это как затерянный мир, неприступный оазис в горах. Проход в общество богосцев — только через перевалы. Они непроходимы большую часть года для всадника. Только пешком, с минимальным грузом и лишь два месяца в году. В остальные десять месяцев, с августа по май, нельзя пробраться даже так. Если на перевале поставить пикет из пяти-шести человек, они смогут обороняться от полка...

— Такого не может быть. Абреки Малдая из Бахикли делают систематические вылазки, и не в течение двух месяцев, а круглый год. Значит, у них имеются для этого возможности. И перевалы вполне доступны.

— Вы отчасти правы, Алексей Николаевич, — вздохнул Ильин. — Полагаю, у Малдая где-то есть убежище по эту сторону хребта. И тайная тропа в ущелья. В убежище расположен походный лагерь абреков, из которого и делаются вылазки. Не станешь же каждый раз прятаться за Богосы! Это очень трудно. Но в случае погони или другой серьезной

опасности вся шайка уходит за перевал. Агентура не смогла разнюхать про это место ничего. Недавно мой человек, сумевший внедриться в шайку, был разоблачен и убит. Нам придется самим отыскать и тайную стоянку, и секретную тропу, поскольку по главной тропе нас не пустят.

— Как у вас вообще с агентурой? — спросил Таубе. — Много ли известно о Малдае и старике в желтой чалме? То, что я читал, довольно поверхностно.

— Настоящую агентуру нельзя завести без денег, а князь Чавчавадзе свел смету моего отделения к минимуму.

— Сюда должен прибыть ротмистр Даур-Гирей из разведочного отделения штаба округа. Вы знакомы с ним?

— Так точно, неоднократно встречались по службе.

— Даур-Гирей привезет шесть тысяч рублей на развитие агентуры. С этого года решением военного министра ассигнования на секретную деятельность Дагестанского областного управления увеличены на эту сумму. Причем начальник области не имеет права тратить их на что-либо иное по своему усмотрению. Распорядителем средств станете лично вы, как начальник отделения.

— Очень хорошо, — повеселел было Ильин, но тут же сдвинул рыжеватые брови. — А что, ротмистр тоже будет участвовать в предстоящей экспедиции?

— Будет, как представитель окружного начальства. А в чем дело, Андрей Анатольевич? Вас что-то не устраивает в Гирее?

Капитан вздернул голову.

— Во-первых, Виктор Рейнгольдович, я вижу в этом недоверие лично мне. Я восемь лет служу в Да-

гестане. Что, ротмистр из Тифлиса лучше меня изучил этот край?

— А во-вторых?

— Во-вторых... — Ильин запнулся было, но тут же мотнул головой и посмотрел Таубе прямо в глаза: — Во-вторых, я вообще не доверяю кавказским туземцам. Никогда и никому. Считаю необходимым объявить это вам сейчас, до начала операции. Чтобы не было потом неясностей...

— Никогда и никому... — задумчиво повторил барон. — И даже действующим офицерам? Которые давали, как и мы с вами, присягу? Ротмистр Даур-Гирей тоже много лет служит по секретно-разведывательной части, имеет заслуги и пользуется полным доверием начальства.

— Я считаю это ошибкой, — сердито ответил Ильин. — Серьезной ошибкой! Вам хоть известна его история?

— Обычная для Кавказа история... Еще в младенчестве он был усыновлен семейством русского офицера Шелеметева, будущего генерал-майора. Тот подобрал его в 1861 году на берегу моря, трех или четырех лет от роду. Там был сборный пункт для кубанских черкесов, готовящихся переехать в Турцию. Отряд русских войск выдавливал их тогда с гор на побережье. Шелеметев был в том отряде ротным командиром. Ну и... подобрал брошенного младенца. Родители Даура погибли от тифа, осталась только тетка. И та умирала уже от голода... Ее тоже взяли в отряд, она воспитывала потом мальчика. Даур-Гирей вырос в русской семье, окончил кадетский корпус, стал офицером и прекрасно служит. Дважды он... ну это вам знать не положено. Уверяю вас, что